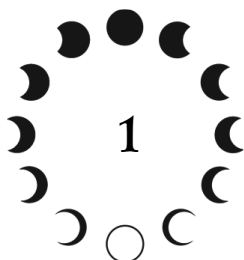

*Посвящается каждому читателю,
который взял книгу в руки и позволил
Маре и Морожу ожить вновь*

Мары. Так называют девушек, к которым прикоснулась сама богиня Морана, чтобы они помогали ей с переправлением душ умерших. Тех душ, которым по каким-то причинам не удалось покинуть мир живых. Морана — богиня зимы и смерти. Но смерть от руки Мораны и её помощников милосердна, ибо дарует переход от одной жизни к другой, к новому началу. Это как смена сезона, когда после зимы обязательно приходит весна.

Морану также называют Морена или Мара и представляют как красивую девушку с молочной кожей и чёрными волосами, что держит в руках серп, чтобы резать Нити Жизни. Под ногами у неё снег да разбитые черепа, а поступь её сопровождается треском льда на замёрзших реках.

Отмеченных Мораной прозвали Марами, отдав им одно из имён богини, ибо все эти девушки похожи на неё.

Малахий Зотов.
Забывтое о Марах и Мороках

Я не разговариваю с ним уже три дня, как, впрочем, и он со мной. Три дня назад я видела Даниила в последний раз, три дня назад я и Морок пересекли границу Серата. Три дня назад я узнала, что Аарона как такового не существует. Это лишь очередное имя, очередная и самая лживая из всех его ролей. На самом деле его зовут Александр, и он потомок убийцы моей сестры. Потомок тех, кто убил моих сестёр —

Мар, — и меня в том числе. А теперь я привязана к нему, и ещё я снова в кандалах.

Он изменился. Я хоть и ненавижу его сейчас, но не могу перестать пристально наблюдать за ним с какой-то долей восхищения и растерянности. Его движения стали плавнее и увереннее. Спина всегда прямая, а плутовская ухмылка, что часто играла на его губах в Аракене, — исчезла.словно он пересёк границу родной страны и в этот момент встал из-за игрового стола, где временно исполнял отведённую роль, а теперь стал самим собой. С тех пор его лицо всё чаще выглядит расслабленным, но взгляд по-прежнему внимательный. Он не скрывает, что обладает властью и руководит этими людьми, но работает столько же, сколько и остальные, а спать нередко ложится одним из последних.

Александр почти не хмурится и так же мало улыбается. А если и делает это, то сдержанно, когда хвалит солдат за хорошую работу, хлопая их по плечу. Хотя несколько раз мне удалось увидеть его искреннюю улыбку. Такую, что его зелёные глаза излучали свет, которого раньше в них никогда не было. Но ни одна из этих улыбок не предназначалась мне. Наоборот, при взгляде на меня любой намёк на неё исчезает. То ли виной я сама, то ли разочарование в моих глазах.

Солдат, сопровождающих нас, ни капли не удивляет, что их принц носит маску Морока, они всё знают. Скорее всего, Даниил верно угадал, и всё было спланировано заранее. Теперь список скормленной мне лжи настолько длинный, что потребуются бумага и чернила, чтобы подсчитать, кто же из этих двоих лгал мне больше: Даниил или всё-таки Аарон.

Убивать меня Александр явно не собирается, иначе уже сделал бы это сотни раз. Хотя о чём говорить? Ему и пальцем шевелить не нужно, достаточно разорвать

нашу связь, и я вновь рухну на землю мёртвым телом. Но он почему-то держит меня при себе живой, тащит в свой дворец, и от этого неприятное предчувствие, поселившееся у меня внутри, лишь крепнет.

В первые два дня он ещё пытался пару раз со мной заговорить, и вначале я отвечала ему отборными проклятиями, всеми, что могла вспомнить. А замолкала только, когда воздух заканчивался в лёгких. На третий день, сегодня утром, решив, наконец, с ним обо всём спокойно поговорить, я открыла рот, но не смогла определиться, каким именем его позвать. Это замешательство смутило меня ещё больше, когда Аарон заметил моё внимание, увидел, что я смотрю на него. Он сделал шаг ко мне, а я закрыла рот, так и не издав ни единого звука. Так и не смогла выбрать, кто же он для меня.

Недавно мы остановились на очередной привал, и солдаты уже по привычке установили палатки, раскопали снег и мёрзлую землю, формируя небольшие ямы для костров. Судя по разговорам мужчин, эта ночёвка будет последней, уже завтра мы доберёмся до Ашора — столицы Серата. Я вновь увижу дворец, в котором за один вечер убила больше людей, чем за все девять лет обучения. Дворец, в котором умерли все мои сёстры, потому что решили пойти за мной.

Солдаты Александра обращаются со мной вежливо, но держат дистанцию, лишь иногда позволяя себе бросать мимолётные заинтересованные взгляды. Уверена, что они знают, кто я такая и что сделала в их столице, но никто не осыпает меня проклятиями, не швыряется солью или камнями, даже не плюёт в мою сторону. *Какжется, я им просто... интересна? Как мёртвая Мара, и не более.*

За время путешествия я прониклась уважением к их профессионализму, к тому, как чётко они действуют, без

лишних разговоров и сомнений. У каждого своя роль и свои заботы, а их командиру не требуется тратить дыхание на приказы. Я отмечаю, как близко они общаются со своим принцем по вечерам у костра, вижу преданность в их взглядах, обращённых на Аарона. Я понимаю, что это не простые охранники, а, вероятно, специально обученный отряд самого Александра. Он хоть и принц, но не требует для себя особых привилегий: его порции еды такие же скудные, как у остальных, а спит он в простой палатке без королевских удобств.

Солдаты настолько доверяют решениям своего командира, что никто не подвергает сомнению его приказ, когда он говорит, что меня стеречь не нужно, хотя кандалы предусмотрительно никогда не снимает.

И к моему собственному разочарованию, Аарон прав. Я не пытаюсь бежать. И не потому, что Морок с лёгкостью может натянуть мой поводок и внушить что-нибудь, даже не вставая с места. А потому что мне некуда идти.

И мне интересно.

Интересно, что будет дальше.

Я будто застыла над пропастью, так долго задыхаясь от паники, что страх отступил сам. И теперь я просто наблюдаю: сорвусь ли вниз сама или Морок подтолкнёт меня в спину.

— Будем признательны, если в следующий раз ты хоть немного пораньше сообщишь нам о своём прибытии, — фыркает тот же солдат, что первым обратился к Аарону «его высочество». Стоило только нам уйти достаточно далеко от Даниила и аракенцев, как вся вежливость подчинённого по отношению к своему принцу испарилась, словно роса под лучами летнего солнца.

Я подслушала, что его зовут Марк, он правая рука Александра и, судя по поведению, — близкий друг.

— Нам пришлось торопиться и выехать налегке. Захватили припасов всего на несколько дней и, конечно, всё съели по дороге к тебе, — с напускным обвинением в голосе добавляет Марк, обращаясь к Александру.

Большинство солдат согласно кивают, с тоской глядя на несколько несчастных кроликов и трёх куропаток, что им удалось отловить на сегодняшний ужин.

За эти дни я успела рассмотреть почти всех. Воинов оказалось сорок пять, и все они в возрасте от двадцати четырёх до тридцати лет. Марку не меньше двадцати семи, у него приятное лицо, которое никак не портит небольшой шрам на правой скуле, тёмные волосы, аккуратно зачёсанные назад, и карие глаза. Он часто задумчиво трёт подбородок с отросшей щетиной, а ещё чаще криво улыбается, обнажая белые зубы.

— Я не просил вас гнать лошадей. Лишь написал, что возвращаюсь, — спокойно возражает Аарон, отпивая горячий чай из помятой металлической кружки.

— Не просил он, — бормочет Марк, передразнивая своего командира. — Парни по тебе так скучали, что я ещё процитировать твою скудную записку о возвращении не успел, а они уже лошадей запрягать начали. Ты написал две строчки из семи слов. Спустя столько месяцев! Это всё, что мы заслужили?!

Кто-то из солдат усмехается, другие кивают, поддерживая Марка, но большинство начинает наигранно возражать, что никто ни по кому не скучал, а в тёплых казармах или объятиях ласковых подруг им отдыхалось лучше, чем здесь.

— К тому же у самой границы мы перехватили новое сообщение от разведчиков. Услышали, какой переполох ты во дворце устроил, — продолжает Марк, усмехаясь. — Поэтому ускорились, уверенные, что за тобой точно растянется хвост из нескольких десятков аракен-

цев, желающих насадить твою голову на копьё. Уход с подобными почестями не в твоём стиле, но я рад, что ты вернулся.

Все вновь поддерживают Марка кивками и смехом.

Никто не возражает и почти даже не поворачивает головы, когда я отхожу в сторону. Нахожу сухое, чистое от снега место под сосной и сажусь тут в одиночестве, чуть дальше от тёплых костров, чем стоило бы в такую холодную погоду. Я чувствую себя лишней среди людей, понимающих друг друга с полуслова.

Серат находится севернее Аракена, и погода здесь всегда холоднее, а зимы снежные и длинные. Когда мы выбрались из пограничного леса и поднялись на холм, что высился сразу после него, я не смогла подавить судорожный вздох, вспоминая прекрасные пейзажи этого сурового на первый взгляд государства. Большую часть их территории покрывают густые леса, а где нет лесов, там горы, а где нет гор, там струятся неглубокие реки, чьи воды стекают с возвышенностей в сторону моря. Движение воды столь стремительно, что даже сильный мороз не в состоянии сковать речные потоки. Я вспоминаю, каким умиротворяющим был звук многочисленных ручьёв с водой чистого голубого оттенка, когда мы с сёстрами путешествовали по этим землям сотни лет назад. Цвет казался мне почти нереальным, и сейчас, к счастью, это не изменилось.

Я прикрываю глаза, вслушиваясь в звук потрескивания костра, смешивающийся с журчанием узкой реки, рядом с которой мы расположились. Солдаты не кричат и не хохочут, а переговариваются сдержанно, с улыбками на губах, даже тихо, словно они сами гости в этих лесах и не желают тревожить окружающий покой.

Небо сегодня чистое, окрашенное в синий, фиолетовый и бархатный чёрный с россыпью мерцающих звёзд. Благодаря толстому снежному покрову и яркой

луне я наслаждаюсь пейзажем, что раскинулся перед нами, спускаясь в низину.

— Я могу присесть здесь?

Медленно отрываю глаза от неба, возвращаясь в реальность. Аарон терпеливо ждёт моего ответа, выдыхая облачко пара.

— Вся эта земля твоя, моё разрешение тебе не нужно, — я отвечаю спокойно, даже устало, продолжая смотреть вдаль мимо него.

Он садится рядом, поджимая ноги под себя. Аарон не снимает маску Морока, носит её на голове, чтобы плащ из теней не исчезал, но лицо оставляет открытым.

— Всё ещё думаешь, каким способом меня убить?

— Какой смысл? Ты же можешь внушить мне всё, что пожелаешь, — равнодушно замечаю я, хотя мой ответ отчасти ложен.

После того раза, когда я бросилась на него, намереваясь задушить, я не пытаюсь что-то предпринять. Я проклиная Аарона, злуюсь, но у меня слишком много вопросов, чтобы избавляться от того, кто может на них ответить. Хотя за все дни этот мерзавец даже не попытался оправдать свои поступки и свою ложь.

— У тебя слишком много имён для одного человека. Какое из них настоящее? — с долей напускного безразличия спрашиваю я после молчаливой заминки.

— Все, — скупно отвечает молодой человек, но потом всё-таки продолжает, замечая, как скривилось моё лицо от столь отвратительного ответа: — Морок — это не имя, а скорее звание. Аарон — имя, которое мне дал другой Морок, потому что моё настоящее было слишком известным. Но родители назвали меня Александром.

— Александр... — я задумчиво растягиваю это слово, будто пробуя его на вкус. Но оно кажется мне чужим, холодным и слишком королевским.

Ему подходит.

— Тот раз был единственным. Я клянусь, что никогда тебе ничего не внушал, — внезапно говорит принц.

Я равнодушно пожимаю плечами, продолжая смотреть в сторону. Чувствую, что его это злит, но он старается держать себя в руках. Александр вообще ведёт себя сдержанно рядом со своими солдатами, из-за этого мне хочется встряхнуть его, чтобы проверить, есть ли там внутри знакомый мне Аарон или его действительно никогда и не существовало.

— Так что не думай, что те поцелуи... — он замолкает, когда я резко поворачиваюсь к нему, встречая упрямый взгляд.

Так вот о чём он переживает. Бойтся, что я думаю, будто он меня заставил, использовал свою силу таким грязным образом. Его беспокойство настолько нелепо в нашей ситуации, что это даже не смешно. Он меня не принуждал, я прекрасно осознаю, что сама была не против. Но всё это было тогда, а сейчас я ничего не знаю наверняка.

— Ты готов рассказать мне правду? — вновь задаю я вопрос, который поднимала уже не раз, перемешивая с проклятиями.

— Я же сказал, Агата, что всё расскажу, когда мы прибудем во дворец. Мне нужно показать тебе доказательства своей правоты, иначе ты мне неверишь, обвинишь в ещё большей лжи.

— Вновь это твоё «потом»...

Он выдыхает очередное облачко пара, пока я тяну пальцы к его лицу. Аарон застывает, напрягаясь. Я едва касаюсь его щеки, и мои кандалы на запястьях позвякивают. С разочарованием опускаю маску Морока вниз. Не желаю его видеть.

— Тогда уходи.

Мне не нужно видеть его лицо, чтобы почувствовать раздражение, которое он едва сдерживает, поднимаясь. Принц хорошо держится.

Аарон отходит обратно к главному костру и что-то говорит нескольким подчинённым. С места поднимается Марк, а за ним Кирилл, — один из самых молодых солдат, с короткими русыми волосами, большую часть времени торчащими в разные стороны в беспорядке. Кирилл — один из тех, кто не боится со мной разговаривать и временами в пути задаёт вопросы о Марах и моей жизни. Он никогда не обижается и не давит, если я не желаю отвечать, просто понимающе улыбается и меняет тему, рассказывая всякие пустяки о Сerate.

Солдаты вдвоём подходят ко мне, я поджимаю ноги ближе к груди, решая, что Аарон приказал им швырнуть меня в палатку, но молодые люди быстро сооружают небольшой костёр. Я с недоумением наблюдаю за их действиями.

— Что вы делаете? — решаюсь спросить я, после того как Марк приносит горящую ветку из основного костра, чтобы поджечь тот, что теперь сложен передо мной.

— Командир попросил сделать для тебя, раз ты не желаешь сидеть с нами, — спокойно поясняет Кирилл.

— Не нужно...

— Нужно. Здесь холодно, а нам несложно, — отрезает Марк, подтаскивает два коротких полена и кидает их рядом с костром. Кирилл в это время почти бегом возвращается, неся три кружки с горячим чаем, и раздаёт нам.

Я не пью, но грею руки о тёплую металлическую кружку. Молодые люди присаживаются на короткие поленья и начинают ворочать прутьями горящую ветку в костре, чтобы огонь быстрее разошёлся.

— Это был приказ? — спрашиваю я у них, когда повисает неловкая тишина.

— Скорее просьба, — хмыкает Марк.

Я оборачиваюсь в сторону большого костра, но Аарон уже куда-то ушёл. Возможно, решил проверить тех, кто стоит в карауле вокруг нашего лагеря. Марк и Кирилл, временами отхлёбывая горячий напиток, молча продолжают своё дело. Оранжевые язычки пламени становятся увереннее, захватывая всё новые и новые ветки и куски дерева. Вокруг нас делается светлее и теплее. Теперь я чувствую, как озябли руки, несмотря на кожаные перчатки. Я ношу всё те же, что Аарон украл для меня в последней деревне.

— Вы же знаете, что я... — вновь начинаю я, замечая, что они не уходят.

— ... Агата?

— ... Мара?

Одновременно спрашивают они.

— ... мёртвая. И от холода я не умру. — Мне немного неловко, что они уделяют мне столько внимания, хотя это не обязательно. Ни один из них не проявил ко мне агрессии или пренебрежения за эти дни, поэтому я не испытываю к ним ненависти. В конце концов, они солдаты и подчиняться своему командиру — их работа и долг. Они не виноваты в событиях прошлого, которые связывают меня и род Ласнецовых.

— Знаем, — бодро отвечает Кирилл.

— Но среди нас не часто бывают девушки, — говорит Марк.

— Даже мёртвые, — поспешно добавляет Кирилл.

— Большинство девушек нас сторонится, замечая форму и зная, что мы отряд Морока.

Марк распускает завязки на наруче левой руки. Снимает его и демонстрирует чернильный рисунок, что

занимает почти всю внутреннюю сторону предплечья. Вначале кажется, что рисунок выполнен какими-то неуклюжими, временами слишком резкими линиями, словно хаотично переплетённые тени, но, приглядевшись, я начинаю различать голову шакала с длинными ушами и разинутой пастью, полной острых зубов. Я подаюсь вперёд, стягиваю перчатку, чтобы прикоснуться к чернилам. Никогда такого не видела, они будто часть кожи. Не стираются и не оставляют отпечатка на моих пальцах. Если Марку и неприятно моё прикосновение, он никак этого не показывает, сидит спокойно, позволяя мне рассмотреть рисунок.

— Такое есть у каждого, — добавляет мужчина, и я, опомнившись, убираю руку. Он вновь надевает наруч и перчатки.

— У Аарона... У Александра тоже есть такая? — спрашиваю я.

— Есть, но только не на руке.

— Мы хоть сами с Тенью напрямую не связаны, но из-за формы и нашего занятия приличные девушки, да и вообще большинство людей обходят нас стороной, — поясняет Кирилл, а я киваю, понимая, о чём он. Даже Мары когда-то решили отстраниться от своих мрачных братьев, что уж говорить об обычных людях.

— Вот что бывает, если работать на Морока, — усмеяется друг Аарона.

— Да! Нам не нравится, когда девушки думают, что мы какие-то грубые солдаты, или бегут как от чумы.

— Вообще мы воспитанные, — добавляет Марк.

Они постоянно дополняют речь друг друга, почти перебивая, а я верчу головой, смотря то на одного собеседника, то на другого, не имея шанса вставить и слово.

— Ты слышал, что я сказал? Воспитанные!

Марк не сильно бьёт палкой Кирилла по ноге, когда тот с неприличным хлопаньем отпивает чай. Подчинённый от неожиданности чуть не окунает нос в кружку, втягивает голову в плечи и продолжает пить очень тихо.

— Среди нас принц как-никак! Нужно вести себя прилично, как в светском обществе, — по-доброму насмехается мужчина.

— Но Алекса... Его высочество тоже временами хлопает и руками ест, — жалостливо бормочет Кирилл.

— Всё дело в поведении, — начинает нравоучения старший, размахивая всё той же палкой. — Видел, как он трапезничает? Даже с пальцами, покрытыми жиром после мяса, сидит будто боится, что его невидимая корона с головы упадёт. А если и хлопает, то с таким видом, словно так и должно быть.

Я поворачиваю голову к главному костру, чтобы проверить его слова, забывая, что Аарон ушёл куда-то. Марк заходится в тихом смехе, наблюдая за моим резким движением.

— И с чувством юмора у нас всё отлично, — скромно улыбается Кирилл, когда я переключаю внимание обратно на собеседников.

— Кроме Александра — у него самые несмешные шутки, — скалится в улыбке Марк, наклоняясь вперёд, словно сообщая мне какой-то секрет.

— Старшие, бывает, жалуется, если он решает пойти с нами в таверну, — со всей серьёзностью согласно кивает Кирилл, и его тёмно-синие глаза сверкают в свете костра.

Я в изумлении гляжу на молодых людей, удивляясь их фамильярности по отношению к своему принцу, а также тому, с какой лёгкостью они говорят всё что думают.

— Вначале это играет нам на руку. Девушки забывают о своём волнении и слетаются к нашему столу из-за его симпатичного личика. — Марк упирается рукой в колени и заговорщически понижает голос, а Кирилл несогласно фыркает. — Но только до тех пор, пока он не открывает рот, и там даже медовуха в кружках киснет от его унылых шуток.

Я не успеваю зажать рот рукой, прежде чем смешок вырывается наружу, и начинаю смеяться. Смех выходит глупый, вначале слишком громкий. Затем я осекаюсь и неловко кашляю. Молодые люди смотрят на меня с недоумением, а потом на их лицах появляются хитрые улыбки, и они тоже посмеиваются.

— Это было слишком просто, — хмыкает Марк.

— Мы так и знали, что проблема в Александре. Даже Павел был в этом уверен, — Кирилл взмахивает рукой в сторону главного костра, чуть не проливая свой чай.

Я оборачиваюсь и замечаю, что все двадцать пять солдат, что сейчас сидят вокруг большого костра, внимательно за нами наблюдают.

— Парням стало казаться, что ты нелюдимая, — поясняет Кирилл, — но мы с Марком были уверены, что это присутствие Александра на тебя так влияет.

— Я знал, что ты умеешь смеяться, — кивает Марк.

— Ваш принц приказал нацепить на меня кандалы! — порывисто оправдываю я своё хмурое настроение.

— Да, — разочарованно тянет тот и оглядывает меня с виноватой улыбкой, — в общении с девушками у него есть некоторые... трудности.

— Вы все знаете, что ваш принц и есть Морок? — зачем-то уточняю я.

— Да, — серьёзно отвечает Кирилл. — Но только мы, королевская семья и доверенные слуги во дворце. Простые жители не знают, что старший принц жив. Король

Алексей и его величество Северин предлагали Александру занять трон, но он отказался, ему это неинтересно.

— Тогда что люди думают о вас? Что вы вообще делаете?

— Думают, что мы специальный отряд, который Морок собрал при дворе, чтобы зачищать местность от нечисти. Нас даже называют Тенями. Отчасти это правда, этим мы в основном и занимаемся. Помогаем Александру с этой непростой задачей в его отсутствие. Иногда он снимает маску и выходит с нами в город. Люди знают его как Аарона и воспринимают как одного из нас, не догадываясь, что он и есть Морок.

Значит, только эти люди и Северин знают об Аароне всё.

— Почему ты раскрыл личность вашего принца перед Даниилом? — спрашиваю я Марка.

— Во-первых, Александр сам открыл лицо. А во-вторых, я его предупреждал. В последний раз мы виделись чуть меньше года назад, и никому из нас не нравилось, что он продолжал возвращаться в Аракен, жил под носом у врага. Его могли раскрыть в любой момент, особенно когда он начал появляться там то как Аарон, то как Морок. При нашей последней встрече он пообещал мне, что это его финальная поездка в Аракен, а после он вернётся к нам. Но Александр не раз кормил меня пустыми обещаниями, продолжая рисковать собой. Тогда я пригрозил, что раскрою его личность, лишая возможности вновь вернуться и шпионить за Рахмановыми.

Я киваю, благодарная за честный ответ.

— Но о твоей реакции, признаться, я не подумал.

Вновь киваю и отпиваю глоток остывающего чая. Повисает неловкая тишина, молодые люди, как и я, отхлёбывают из своих кружек. Мнутя, не зная, как про-

должить разговор, но тут губы Марка растягиваются в наглой улыбке, привлекая наше с Кириллом внимание.

— А ещё мы должны тебя поблагодарить! — говорит тот.

— За что? — удивляюсь я.

— Мы поспорили с Александром, что в отличие от него, с лёгкостью тебя рассмешим. И что с нами ты будешь говорить охотнее.

Я несогласно качаю головой, но осознаю, что они правы. Я и сама не заметила, что всё это время на моём лице была хоть и сдержанная, но улыбка.

— Что он проиграл?

— Очень много денег, — Кирилл складывает руки на груди, выпрямляясь на своём полене. — Он проиграл ужин в таверне всей команде, а уж едим и пьём мы много.

Молодые мужчины за большим костром начинают одобрительно галдеть, поддерживая слова друга смешками.

— ЗАКАНЧИВАЙТЕ! — рявкает Аарон, выходя из тени деревьев.

Это так неожиданно, что самые молодые солдаты вскакивают на ноги и встают по стойке смирно, поддавшись привычке. Те, кто постарше, не поднимаются, но сразу распрямляют спины, а кто-то чуть не разливает свой чай, когда рука нервно дёргается от командного тона. Марк и Кирилл вздрагивают и замирают, стараясь не издавать лишних звуков. От приказа Аарона даже ухающая сова замолкает где-то в глубине леса.

— Марк, смени часовых. Остальные — хватит чесать языками! Тушите костры и спать, выдвигаемся на рассвете.

Мужчины, не медля ни секунды, выполняют приказ своего командира. Кирилл забирает у меня кружку,

а Марк тушит недавно разведённый костёр. Я тихо благодарю их за помощь и поднимаюсь на ноги, не давая Аарону возможности приказывать и мне. Сама подхожу к нему, специально гремя цепями. Нахожу хоть малое, но удовольствие, изводя его намёками, что я ни на минуту не забываю о своём положении пленницы, а он ничуть не лучше Даниила. Молча иду за ним, когда принц ведёт меня к палаткам.

Выглядят они все абсолютно одинаково. В первую ночь отряд Морока даже выделил мне отдельную палатку, хотя это было сложно — их и так мало. Но той ночью, после всего случившегося, меня мучили кошмары, мучили мысли о возвращении во дворец в Ашоре. Я не помню, как кричала, пытаюсь вырваться из хватки липкого сна, полного крови: моей и моих близких. Я перебудила весь лагерь: солдаты спят чутко, готовые проснуться в любой момент при возможной опасности. И когда Аарону удалось меня разбудить, вокруг собралась уже половина отряда с оружием в руках, некоторые даже не накинули одежду, а выскочили в штанах и рубашках на холод. Я помню, каким растрёпанным был Марк, склонившийся надо мной вместе с Аароном.

Мне было стыдно, что я потревожила всех своими криками, и с тех пор я сплю в одной палатке с Мороком, Марком и ещё двумя старшими командирами. Палатки небольшие, так что ложимся мы близко друг к другу. Несмотря на доверие к своим солдатам, Аарон выделяет мне место у самой стенки, подальше, и сам устраивается рядом, отгораживая от остальных. А сегодня утром я проснулась раньше него и увидела, как он спит, уткнувшись лбом мне в плечо. Его лицо было таким безмятежным, а дыхание медленным и глубоким, что я закрыла глаза и притворилась спящей. Лежала, не двигаясь, и проклинала нашу связь, зная, что сама

умру, если попытаюсь его удавить. Потом пришёл Марк, разбудил Александра, и вдвоём они покинули палатку.

Мы заходим внутрь, пока остальные наши соседи остаются где-то снаружи, занятые порученными им делами. В этот раз палатка разделена на две части. С одной стороны наши с Аароном спальники, с другой — ещё три для остальных. Есть небольшой таз с водой, чтобы умыться, а свет даёт одинокая масляная лампа.

Аарон в полной тишине сбрасывает маску на свой спальник, и его плащ тут же растворяется — тени, из которых он соткан, расползаются в стороны, присоединяясь к уже существующему полумраку. Он продолжает молча снимать броню, делая всё быстро, привычно, зная, где какие ремни. Я же, гремя кандалами, стягиваю перчатки и негнушимо от холода пальцами пытаюсь распутать завязки на плаще. Мне дали новый тёплый плащ взамен того, порванного в погоне.

— Вижу, общество моих людей тебе нравится куда больше, чем моё, — наконец произносит Аарон и морщится, пока плещет себе в лицо воду. Она наверняка ледяная.

— Они мне не лгут и отвечают на все вопросы, — сухо реагирую я.

Он замечает, что мне не удаётся развязать узел на плаще. Понаблюдав какое-то время за моими попытками, Аарон вытирает лицо и подходит ближе. Убирает мои волосы назад и начинает сам распутывать завязки. От него всё так же пахнет кожей и металлом, но теперь ещё и костром.

— Может, ещё скажешь, что и у Даниила тебе нравилось больше? — продолжает он, пытаюсь скрыть раздражение, но оно всё равно сквозит в каждом слове.

— Пока разница невелика. Ты, как и он, любишь держать меня при себе скованной.

Мои губы едва изгибаются в усмешке, когда пальцы молодого человека замирают, а он поднимает на меня недовольный взгляд.

— По крайней мере, — продолжаю я, растягивая слова и наблюдая, как меняется его лицо, — он был честен в том, что хочет от меня получить.

Справившись с завязками, Аарон стягивает с меня плащ, а потом, к моему удивлению, снимает и кандалы — впервые за эти дни. Они грузно падают на землю, и принц выжидающе смотрит на меня.

— Спасибо, — коротко говорю я, тру кожу на запястьях и сильно вздрагиваю, когда Аарон пальцами забирается под ворот моей рубашки, обхватывая шею сбоку. Его руки ледяные после воды, которой он умылся, и моя кожа покрывается мурашками. Он держит крепко, я предпочитаю замереть, пока Аарон с мрачной улыбкой наклоняется к моему уху, прижимается своей щекой к моей. Его волосы щекочут мне кожу.

— Я не против, если ночью ты попробуешь меня придушить. Можешь попытаться, — *вот он, тот Аарон, к которому я привыкла*, он отличается от сдержанного Александра, прекрасно контролирующего ситуацию. Губы сами растягиваются в усмешке. Я понимаю, что мой Морок никуда не делся, он не одна из его масок, но часть его самого, — но тронешь кого-то из команды, и я продемонстрирую, как много интересного могу заставить тебя делать.

Когда я ничего не отвечаю, он немного отодвигается, чтобы посмотреть мне в глаза. Его лицо так близко, что это напоминает мне о нашем первом поцелуе, о том странном моменте, когда моё сердце сделало настоящий удар. Сердце словно тоже вспоминает об этом и начинает биться быстрее.

— Можно? — специально с выдохом задаю я тот же вопрос, что он задал мне тогда.

Аарон молчит дольше обычного, медленно осозная схожесть ситуации. Я уверена, что он откажет.

— Да.

Несмотря на заминку, мы подаёмся вперёд одновременно. Раскрывая для него губы, я оправдываюсь, что могу позволить себе этот враждебный поцелуй в последний раз. Пока мы ещё не добрались до Ашора, пока я ещё не оказалась в его дворце, не увидела его портрета в семейной галерее среди других членов семьи Ласнецовых. Пока у меня ещё осталась эта маленькая лживая лазейка, что мне не обязательно его ненавидеть.

За всеми своими оправданиями я не замечаю, что Аарон давно сжимает меня в своих руках и жадно крадёт мой воздух. Этот поцелуй дикий, с долей ненависти и раздражения, настолько же болезненно горячий, каким бывает жжение снега на обмороженных руках. На его губах всё ещё остался привкус сладкого яблока, съеденного сразу после скудного ужина. Его дыхание сбивается, когда я запускаю холодные руки ему под рубашку, которую успеваю вытащить из штанов. Он не отстаёт и расстёгивает мой кафтан, так же пытаюсь добраться до открытой кожи. Аарон едва слышно стонет мне в губы, когда я касаюсь пальцами его мышц на животе, он тянет меня в сторону наших спальников, и я безропотно следую за ним, тянусь вслед за его губами. Но пока он стягивает с моих плеч кафтан и сбрасывает на пол, сознание возвращается ко мне. Я хватаюсь за реальность, как утопающий за верёвку, боясь, что собственная глупость вновь накроет меня с головой, затуманивая разум. С трудом отрываюсь от его мягких губ и заносу руку для удара, не пощёчины, а того, что, надеюсь, разобьёт ему лицо. Аарон успевает перехва-

тить мой кулак в последний момент. Он тяжело дышит, его рубашка в беспорядке, а зрачки расширены, но он всё равно едко ухмыляется.

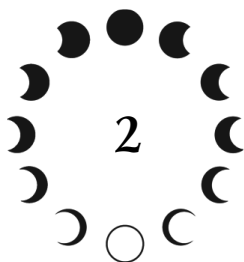
— Это была хорошая попытка. Я почти поверил. Только думал, что мы вначале закончим приятную часть, а потом перейдём к убийствам.

Он думает, что всё было ради отвлечения внимания. *Пусть думает.* Даже себе я не хочу признаваться, что внутри у меня всё бушует и разрывается от противоречий. Я пытаюсь ударить его левой рукой, но он успевает отвести мой кулак в сторону. Делаю шаг вперёд, с силой опуская каблук на его сапог, но Аарон убирает ногу раньше. Неприятная вибрация отдаётся мне в пятку и кости, когда я опускаю ногу на мёрзлую землю, прикрытую лишь тонкой материей. Пока принц отвлекается, опуская голову слишком низко, я освобождаю правую руку. Мне почти удаётся врезать ему локтем снизу вверх, но Аарон вовремя отклоняется, хватая меня за запястье и выкручивает, прекращая наш глупый поединок. Я сгибаюсь от болезненного ощущения, но не опускаюсь на колени перед ним, упорствуя.

— Попытка не пытка, — оставаясь в неудобном положении, как можно ровнее выдавливаю я.

Он нагло оглядывает меня с головы до ног, прекрасно замечая румянец.

— Тогда можешь пытаться почаще, я подыграю.

Морок — он же слуга Тени, воплощение обмана и иллюзий. Мужчины, что отмечены мраком. Они, как и Мары, служат одной цели. Даже больше. Они братья для них. Изначально Мороки были защитниками Мар, они собой закрывали своих сестёр перед лицом самых страшных тварей, неупокоенных душ, что были жестоки при своей жизни и становились ещё хуже после смерти. Души, недостойные перерождения.

Дар Морока — это наказание для других. Они палачи, что отправляют на бесконечные мучения в Тень, чтобы уменьшить зло среди людей, не дать ему родиться вновь.

Но есть у них и особая способность — возвращать к жизни мёртвых. Дана она им, чтобы братья, не сумевшие защитить своих сестёр, могли получить второй шанс. До того, как будут завершены погребальные молитвы, Морок может поднять мёртвую Мару и оживить сестру, но и цена за это высока. Морок платит за это своей жизненной силой и способен на подобное чудо лишь раз.

Малахий Зотов.
Забытое о Марах и Мороках

Мы добираемся до границ Ашора в середине следующего дня. В этот раз я могу оценить город во всей красе, наблюдая, как солнце отражается в окнах домов. И этот город совсем не похож на Ярат.

Столица Серата окружена крепкими стенами и располагается на берегу реки, в низине. Однако с севера город защищён горами. Ашор такой же большой, как и Ярат,

но намного мрачнее, особенно на фоне белоснежной зимы. Дома здесь чуть выше, почти все в три-четыре этажа, но если в Ярате они выкрашены в светлые оттенки, то в Ашоре так и оставлен каменный серый цвет разных тонов. Иногда встречаются более светлые, иногда почти чёрные и изредка — блёклый красный цвет. Стены зданий аккуратно обработаны и украшены барельефами, у многих домов арочные окна, дверные проёмы часто с лепниной различной степени детализации. Крыши в основном покатые, скорее всего, тёмных оттенков, но сейчас мне тяжело разобрать из-за толстого слоя снега, укрывшего город. В Ашоре почти все улицы мощены камнем, а посреди города струится небольшая река, разделяя его на северную и южную части.

Храмов немного, но все они тянутся вверх острыми шпилями. В Ярате они сверкают белизной и позолотой ничуть не меньше, чем главный дворец. Здесь же оставляют ощущение мрачности, словно чувствуют, что их принц — слуга Тени, и сумрак им будто родной.

Перед въездом в столицу Аарон снова надевает на меня кандалы и, несмотря на моё недовольство, усаживает вместе с собой на вороного коня. Этот момент вновь отбрасывает наши отношения назад, к тому, что было до странного притяжения в палатке. Мы не разговариваем, пока двигаемся по улицам во главе процессии. Аарон едет как Морок, закрыв лицо маской, я тоже накидываю капюшон на голову, скрывая необычный оттенок волос. Аарон хотя бы не заставляет меня носить алое. Поэтому люди, что встречаются нам на улицах, может, и слышали о поднятой из могилы Маре, но могут только гадать, я ли это.

Марк и Кирилл говорили правду: жители Ашора прекрасно знают, кто они. Не скажу, что народ в страхе отшатывается, как это было со мной и Мороком в Ярате. Но и здесь люди замирают, отрываються от своих дел,

чтобы проводить отряд взглядом. Хотя случается и редкое исключение, когда раздаются приветственные крики жителей. Скорее всего, друзья или родные членов отряда, потому что они свои лица не скрывают. Группа молодых девушек кокетливо окликает Марка и ещё нескольких солдат, спрашивая, заглянут ли они вечером в таверну. Мужчина, улыбаясь, кивает им, а одна из девушек посылает ему воздушный поцелуй, и они смеются.

— Что? — с некоторым недоумением взмахивает рукой Марк, пока я задумчиво наблюдаю за ним. — Я вполне себе популярен у девушек.

— Популярен из-за размера своего кошелька? — парирует Морок.

— Полегче, я плачу только нескольким из них. Остальные сами поддались моему очарованию, — скалится в наглой улыбке солдат.

Морок лишь громко фыркает в ответ.

— Нельзя жить одними убийствами, а то можно стать таким, как ты, — передразнивая, в тон ему парирует Марк.

— Похоже, стоит понизить тебе жалованье, а то золото уже не знаешь где потратить, — мрачно отвечает Морок, а Марк закатывает глаза, но больше не спорит.

Аарон направляет своего коня левее, по мосту, через реку и вверх, в северную часть города. Все следуют за ним. Когда мы пересекаем мост, у меня в горле комом встаёт воспоминание, как я мчалась здесь в последний раз, чтобы убить Ариана. По телу проходит неприятная дрожь, и Аарон прижимает меня к себе сильнее, думая, что это от холода.

Мы выезжаем на главную площадь перед дворцом, и меня начинает одолевать злость. Я пытаюсь дышать ровно, но воздух вырывается сквозь зубы. Пытаюсь расслабиться, но тело каменеет. Стараюсь ничего не вспоминать, но каждый раз, стоит мне моргнуть, как я вижу

ужас той ночи и сестру Яну в крови на земле, что умерла первой на этой площади.

Сегодня ясный день, и всё вокруг ярко освещено солнечными лучами, но мне кажется, что все эти столетия здесь тенью висят мои ненависть, боль и разочарование. Будто эти чувства ждут моего возвращения, чтобы я вновь втянула их в себя вместе с воздухом. И вот она я, впитываю воспоминания об ужасах, как сухая земля — воду. Во рту появляется привкус собственной крови, и мне кажется, что я слышу отголоски звона стали и крики в повседневных разговорах прохожих. Мне чудится, что к аромату свежее испечённых пирогов из ближайшей булочной примешивается металлический запах крови. Я воровато озираюсь, доказывая себе, что это всё лишь игра воображения, и мои ладони в перчатках влажные от пота, а не от чужой крови, из-за которой в руке скользил кинжал, когда я пробиралась по коридорам дворца.

Дворец Ласнецовых. Это последнее, на чём я концентрирую взгляд. И делаю это, только когда здание уже нависает над нами тенью, и я не могу больше его игнорировать.

В прошлый раз я была здесь под покровом ночи, и облицованные серым мрамором стены казались почти чёрными и лишёнными каких-либо изысков, но теперь я могу всё рассмотреть. Увидеть, что в мраморе множество белых прожилок, что не весь фасад оформлен в едином цвете, только два нижних этажа покрыты мрамором серых тонов. Выше идёт почти белый камень, а светлые пилястры оживляют внешний вид. Дворец Ашора, в отличие от дворца в Ярате, не так огромен, но тоже довольно высок. На здании нет никакой позолоты, и на первый взгляд он кажется проще и беднее того, из которого я сбежала. Но чем ближе мы подходим, тем больше детализированных украшений я замечаю. Во

дворце множество окон и каждое венчает наличник в форме головы шакала; каждый балкончик и навес перед главным входом удерживают скульптуры; любой выступ украшает замысловатая лепнина в виде завитков и природных орнаментов. Стоит лишь остановиться взгляд на каком-либо элементе, и начинаешь замечать продуманные детали оформления.

Я вновь верчу головой, оглядывая площадь. Мимо спокойно двигаются сератианцы, занимаясь своими делами. Вижу, что в самом разгаре торговля у лавочников, которых мы оставили позади, на противоположной стороне от дворца. Мне приходится напомнить себе, что прошло двести лет и большинство этих людей, возможно, и не знают о когда-то развернувшейся здесь трагедии.

Морок останавливается перед входом, рядовая стража дворца в составе пяти человек выходит нам навстречу. *Они сменили форму.* Я помню, что солдаты, которых я убивала, носили тёмно-зелёные мундиры с золотыми элементами. Сейчас они носят светло-серую с золотом форму. Я пристально слежу за солдатами, за любым их движением, за их настороженностью, когда они замечают цепи на моих руках. Морок спускает меня с коня, отдаёт приказы своим Теням, просит увести наших лошадей и позаботиться о них. Я бросаю тоскливый взгляд на свою Вьюгу, которая последние часы шла налегке, без меня. Из Теней с нами остаётся Марк и ещё пара мужчин, чьих имён я не знаю.

— Где Северин? — спрашивает Морок, и это имя наполняет мой рот пеплом, напоминая, где я, напоминая, что я больше не могу закрывать глаза на происходящее и что Аарон мне не друг.

Как только переступлю порог этого дворца, я должна буду с ним разобраться. Я не могу избавиться от Аарона

первым, иначе умру сама. Значит, вначале убью Северина, а потом Александра. Хотя его я вряд ли успею прикончить, он свернёт мне шею раньше. Но Северин — король, и мне хватит хотя бы его одного.

— Его величество во дворце, на втором этаже, ожидает вашего прибытия, — отвечает один из стражников, и они расступаются, пропуская нас вперёд.

Я сжимаю зубы, стараясь ничем не выказывать своего беспокойства, но перехватываю цепь между своих кандалов поудобнее. Другого оружия у меня нет, поэтому придётся сломать шею Северину тем, что есть. Морок ничего не замечает, глядя вперёд, и лишь привычным движением мягко подталкивает меня во дворец. Он не знает, что каждый шаг по лестнице ко входу наполняет моё сознание воспоминаниями, а к горлу подступает тошнота от ненависти к этому месту.

Мы с Морокком входим первыми, дворцовые стражники за нами, и Тени Александра в самом конце. Мне кажется, что в голове не осталось ни одной мысли, но на самом деле я неосознанно отмечаю каждую изменившуюся деталь.

Главные массивные двери перекрашены и отремонтированы, хотя я помню, как Ирина оставила на левой глубокую борозду от меча. Стены выкрашены в белый цвет, хотя я знаю, что опиралась окровавленной рукой, оставляя отпечатки, на жёлтые. Ковры в коридорах больше не красные, а имеют приятный песочный оттенок с чёрно-серым узором. Вообще всё убранство теперь оформлено в белых и золотистых цветах, что визуально увеличивает пространство: потолки словно стали выше, а благодаря множеству окон и светлым полупрозрачным занавескам здесь полно света. Снаружи дворец создаёт почти гнетущее впечатление, но внутри всё совсем наоборот.

Я и Морок ощущаемся здесь чужими, слишком мрачными и выделяющимися на фоне этой белизны. Мы поднимаемся на второй этаж и углубляемся внутрь здания, попадая в широкий коридор без окон. Здесь просторно: пол и массивные колонны из серого мрамора, стены из красного. Свет льётся из высоких хрустальных люстр и специальных подсвечников на стенах. Я радуюсь, что раньше не была в этой части дворца и не чувствую того же давления воспоминаний, что и в предыдущих залах. Здесь нет ковра, наши шаги эхом разносятся по коридору, который заканчивается огромным круглым помещением. Вероятно, туда мы и направляемся.

Я не задаю вопросов, позволяя моим сопровождающим расслабиться в привычной обстановке, позабыть о моём присутствии, но продолжаю сжимать цепь. Аарон поднимает свою маску, открывая лицо, когда вдалеке из-за угла справа выходит молодой мужчина, абсолютно один. На нём богато расшитый золотом чёрный кафтан, который идеально сидит на его стройной фигуре, а ноги в высоких сапогах кажутся удивительно длинными. Вначале он смотрит в противоположную сторону, но потом переводит взгляд на нас.

Даже если бы я захотела, то не смогла его с кем-либо спутать. Северин и Александр действительно очень похожи. Единственное, что мешает сразу признать в них родственников, это длинные волосы Морока, они меняют облик старшего принца, придавая ему больше мрачности. Однако у братьев одинаковая форма лица, прямые носы и зелёные глаза. Но чёрные волосы Северина как минимум вдвое короче, доходят только до ушей и сейчас они в лёгком беспорядке. Хотя, замечая нас, король как-то неуверенно убирает их назад, будто нервничает. Я стараюсь запомнить каждую деталь его лица — скорее всего, оно будет последним, что я увижу.

Между нами остаётся всего десять метров, и Северин при взгляде на брата преображается. Его губы распухают в широкой, счастливой улыбке, на которую, мне кажется, Аарон и не способен. Я выдаю своё замешательство глупой заминкой, когда из-за его улыбки едва заметно опаздываю на один шаг и сбиваюсь с общего ритма, ломая наш строй. Аарон вспоминает обо мне, но поворачивает голову слишком поздно — я уже срываюсь вперёд, чтобы наконец закончить свою слишком затянувшуюся месть. Я топлю внезапно появившуюся горечь и мысли о боли, которую причиню Аарону, в воспоминаниях о своей умирающей сестре, преданной их предком.

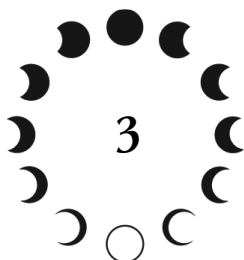
Сзади мне что-то кричат, но я не обращаю внимания. Солдаты устремляются вслед за мной. Чувствую, как вибрирует пол под ногами из-за их топота. Северин переводит на меня удивлённый взгляд и замирает. Когда до короля остаётся два метра, меня что-то останавливает, словно моё тело застывает в самом воздухе.

— НЕТ!

— НЕ ТРОГАТЬ!

Это кричат Аарон и Марк одновременно, но я не успеваю понять, какая реплика кому принадлежит и обращаются ли они ко мне.

Чувство обездвиженности длится всего секунду, может, чуть дольше. Кто-то сильно бьёт меня чем-то тяжёлым по голове. Воздух перестаёт держать, я отлетаю к мраморной стене, со всей силы ударяясь о камень. В голове звенит, крики доносятся как сквозь вату, а по лицу обильно течёт кровь. Всё проваливается в темноту сразу после того, как коридор плывёт, и я падаю на мраморный пол. Остаётся слабая надежда, что теперь я точно умру, и мне не придётся вновь пытаться убивать Северина или его брата. Я больше не хочу возвращаться в это место.

Хоть Мары и Мороки появились как части единого целого, чтобы дополнять друг друга и защищать; чтобы быть семьёй и поддерживать друг друга в одиночестве, что идёт рука об руку с судьбой, подобной их, но время стёрло даже это. Спустя тысячелетия они забыли, как связаны их пути.

Мары устали находиться в тени своих мрачных братьев, которых все сторонились, они хотели быть любимы и почитаемы простыми людьми. И девушки начали отдаляться от единственных, кто их понимал, ради скоротечной любви смертных людей. Так Мороки остались в стороне, но продолжали приглядывать за сёстрами, оберегая их, но держались на расстоянии. А позже совсем скрылись, не желая мешать своим сёстрам Марам, которые, казалось, были счастливы без своих братьев, а на деле просто забыли, кто такие Мороки.

Малахий Зогов.
Забытое о Марах и Мороках

— ТЫ ЕЙ НИЧЕГО... РАСС... ЗАЛ?!
— Богиня... НЕ ОРИ!
От громких криков череп простреливает жуткая боль. Хочу пошевелиться, повернуть голову, открыть глаза, но ничего не получается. Я на чём-то лежу, но мир раскачивается, словно я в лодке в открытом море.

Однажды Ирина взяла меня в небольшое плавание, и это были самые жуткие моменты в моей жизни. Даже после возвращения на твёрдую землю меня тошнило ещё два часа, а под ногами всё продолжало ходить ходуном минимум сутки.

— Прошу вас, успокойтесь, — незнакомый мужской голос присоединяется к первым двум. — Вы не виделись год, а... начинаете с криков.

— Какого чёрта ты ей... не рассказал? — раздражённый женский голос становится чуть тише.

Разговоры я слышу отрывками, как если бы мою голову то опускали под воду, то вновь поднимали.

— Я только приехал, а ты... с порога орёшь на меня, — зло цедит Аарон.

— Кто её ударил по голове? Покажи мне этого идиота! Я его... сама...

— Я... наказал его. Кто-то додумался... новичка... в стражу. Он перестарался с ударом.

Слышу стон боли. Не сразу понимаю, что это я сама издаю его, пока пытаюсь перевернуться со спины на бок.

— Александр... — перебивает их незнакомый мужчина.

— Проклятье, ещё рано.

Чувствую что-то прохладное на своей голове, возможно, руку или холодную тряпку. Это настолько приятно, что я хочу вцепиться в неё, чтобы её не отнимали от моего лба.

— Не смей опять её усыплять! — взрывается девушка.

Я судорожно выдыхаю, боль отступает, а их голоса снова уходят куда-то на задний план.

— Поздно. Я уже сделал. Это ради неё.

— Ты идиот! В следующий раз я вернусь только через... — Я не слышу, через сколько вернётся девушка, и вновь проваливаюсь в тишину.